

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 130.2:008
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-270-277
EDN CTUBXO

Коммуникативные принципы формирования социальной реальности постмодерна

Сидоренко В.А.

Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки
Россия, ЛНР, 291045, г. Луганск, 50-летия Обороны Луганска, д. 1г
vl.80@mail.ru

Аннотация. В эпоху постмодерна классическая модель построения социальной реальности, опирающаяся на традиционную дихотомию «субъект – объект», уступила место коммуникативной модели. Коммуникативная модель подразумевает установление социальной реальности посредством движения смыслов, что приводит к формированию множества таких реальностей, основанных на преобладающих тенденциях смыслового движения. Актуальность каждой из реальностей определяется информационной повесткой и системой социокультурных фильтров, сохраняющей общий идеологический вектор развития социальной группы вплоть до человечества в целом. В результате изменения методологической парадигмы характерный для более ранних эпох антропоцентризм сменяется интерантропоцентризмом как системой распределённого смыслообразования.

Ключевые слова: коммуникативная модель, распределённое знание, легитимация смыслов, социокультурные фильтры, герменевтика веры, герменевтика подозрения

Для цитирования: Сидоренко В.А. 2025. Коммуникативные принципы формирования социальной реальности постмодерна. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 270–277. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-270-277 EDN: CTUBXO

Communicative Principles of the Postmodern Social Reality Formation

Vladimir A. Sidorenko

St. Luke's Lugansk State Medical University
1g 50-Letiya Oborony Luganska Bl., Lugansk 291045, LPR, Russian Federation
vl.80@mail.ru

Abstract. In the postmodern era, the classical subject-object model of constructing reality gave way to a distributed model suggesting that the truth is not a representative reflection of the existing world, but its dialogical construction in a communicative way. The mental representations developed by people become their common social reality, where the concentration of meaning is conditioned by internal linguistic references to other linguistic units and definitions, but not the outside world. In postmodernism, anthropocentrism is replaced by inter-anthropocentrism, where the sovereign subject of rationality is replaced by an intersubjective model focused on collective forms of activity with an emphasis on interpersonal relationships instead of a single individual. In the cultural space, there may be many realities competing for legitimacy, while the most successful elements in passing socio-cultural filtering are fixed as social values and norms. Public institutions are created on the basis of the realities formed in this way

and supported by linguistic conventions and socialization, later becoming a part of cultural identity. The normative consolidation of social reality is determined by the information agenda leading to the fact that communicative mechanisms, in addition to the function of transmitting cultural meanings, have acquired the ability to form them.

Keywords: communicative model, distributed knowledge, legitimization of meanings, sociocultural filters, hermeneutics of faith, hermeneutics of suspicion

For citation: Sidorenko V.A. 2025. Communicative Principles of the Postmodern Social Reality Formation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 270–277 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-270-277 EDN: CTUBXO

Постмодернизм не стремится к научному пониманию и объяснению проблем социального мира, он упорно ищет лишь нестабильности и кризисы [Мнацаканян, 2017]. В большинстве определений постмодернистская мысль предстаёт как противопоставление идеям модернизма, что не даёт чёткого представления об особенностях развития концепций коммуникации в XX – начале XXI вв. Описывая свойства постмодернизма в целом, его основные теоретики (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) делают акцент на кризисе репрезентации, ставя под сомнение репрезентативную парадигму в целом, а также устаревание ко 2-й половине XX века теории соответствия истине, доминировавшей в изучении коммуникативных процессов в более ранние эпохи. Согласно Фуко, эпистемологический вопрос о трансцендентальных основаниях или логических критериях истины заменяется игрой в истину – имплицитными правилами, посредством которых человек конституирует себя как субъекта [Фуко, 2020]. В результате основным объектом изучения становятся коммуникативные практики и способы установления отношений между коммуникацией, идентичностью и формами знания. Анализ этих отношений представляет собой цель данного исследования.

Традиционная коммуникативная модель, присущая модернизму и более ранним течениям, основывается на картезианском дуализме, впоследствии модернизированном в позитивистском ключе. Начиная с XVII и до середины XX века знание и истина отождествлялись с научным методом, подразумевающим разделение субъекта и объекта познания, а разрабатывавшиеся инструменты исследования позволяли этому дуализму оставаться максимально устойчивым. В этом контексте язык становится нейтральным способом представления явлений, наблюдаемых во внешнем мире. Радикальное раздвоение разума и мира создает точку зрения на коммуникацию как канал или средство передачи уже сформированных идей [Мандель, 2019] или даже препятствие человеческой способности определённо воспринимать мир и формировать отношение к нему. В данной модели коммуникация в лучшем случае вспомогательна, её роль сводится к конкуренции на рынке идей, в результате чего основное внимание сосредотачивается на проблеме убеждения и коммуникативных эффектов. Такая концепция практически останавливает развитие целых отраслей коммуникативистики, например, коммуникативной этики.

В рамках репрезентативного дискурса само по себе движение смыслов воспринимается как ценностно нейтральное, передающее уже установленные ценностные ориентиры с основным акцентом на эффективности их трансляции. Коммуникативные инструменты в таком случае рассматриваются в качестве средства легитимации и поддержки уже созданных смыслов. Ключевую роль здесь играет наличие организационного ресурса и способности донести до реципиентов информацию о наличии таких ресурсов. Более высокий организационный статус субъекта будет означать более высокий приоритет смыслов, в том числе ценностных, им транслируемых. Таким образом коммуникативистика становится вторичной дисциплиной, не имеющей собственных онтологических оснований и паразитирующей на других дисциплинах, опираясь на заимствованную из психологии, социологии и других наук терминологию и методологию.

Заимствование методик смежных дисциплин приводит к тому, что реальные коммуникативные практики исследуются с помощью гипотетико-теоретических инструментов: анкетирований, тестирований, письменных ответов на гипотетические вопросы и т. п. [Mumby, 1997]. Этот инструментарий характерен для позитивистского модернизма [Суй, 2022] с его стремлением сохранить радикальное раздвоение субъекта и объекта как средства познания, в то время как интерпретативный постмодернизм ищет если не их примирения, то как минимум постановки в продуктивное диалектическое взаимодействие. Эта парадигма уходит корнями в немецкую классическую философию, в частности кантианское представлением о том, что познающий разум является активным участником конституирования знания (т. е. разум – не просто зеркало природы). Далее эта традиция прослеживается в диалектике Гегеля [Коротких, 2015], герменевтике Шлейермахера [Габитова, 1989] и Дильтея [Махлин, 2009], перетекая в символический интеракционизм, феноменологию и постмодернистскую герменевтику Гадамера [Сравнительная философия, 2022], Хайдеггера [Хюбнер, 2011], Гуссерля [Жоль, 2017] и др. Особенностью данной традиции выступает то, что её представители ставили целью не отказ от идей Просвещения как таковых, а делали попытки вывести разум, истину и рациональность из-под гегемонии сциентизма и технико-инструментальных рассуждений.

Смещая исследовательские акценты с индивидуального сознания (разума) на распределённое (коммуникация), постмодернистский подход демонстрирует, что разум и истина заключаются не в репрезентативном отражении уже существующего мира, а в их диалогическом конструировании путём коммуникативных взаимоотношений с другими сущностями (людьми, текстами, сообществами и т. д.) [Мнацаканян, 2019]. Знание никогда не является актом воспроизводства, оно всегда результат производства в силу взаимодействия с горизонтами текстов и дискурсов сообщества. Изучение текстов и нарративов – это способ исследовать онтологию человеческого общества как коллективный коммуникативный акт. Логичным продолжением такого подхода становится фундаментальное предположение о том, что сообщество и идентичность создаются не на основе структуры, физического или виртуального расположения, а на коммуникативно распределённых ценностных ориентациях. Во многих аспектах эта мысль пересекается с социальным конструктивизмом, в рамках которого трансцендентальный субъект заменяется понятием сообщества, которое диктует как описательные, так и нормативные основания [Конструктивизм в теории познания, 2008]. Социокультурную конструкцию при этом нужно рассматривать как значение, понятие или коннотацию (суммарно образующие смысл), которые придаются объекту или событию обществом и принимаются этим обществом при формировании отношения к данному объекту или событию.

Основным постулатом постмодернистской традиции в философской антропологии стало отсутствие у явлений независимой основы, кроме ментальных и языковых представлений, которые люди вырабатывают о них на протяжении всей своей истории и которые становятся их общей реальностью. В этой реальности сосредоточение смысла становится внутренней языковой ссылкой (слова относятся к словам, определения к другим определениям), а не к внешней реальности. В результате создаётся индивидуальная либо коллективная коммуникативно сконструированная реальность, определяющая поведение индивида или культурной группы. Реальная среда в целом слишком велика, сложна и мимолетна для прямого знакомства между человеком и его окружением [Баталов, 2010], поэтому каждый человек конструирует иллюзорную псевдосреду, представляющую собой субъективный, предвзятый и значительно редуцированный ментальный образ мира, который в то же время создаёт самого человека.

В культурном пространстве может существовать целый ряд реальностей, конкурирующих за признание и легитимность. Элементы, наиболее успешно прошедшие социокультурную фильтрацию, закрепляются в качестве общественных ценностей и норм,

а наиболее маргинальные отсекаются, зачастую вместе с их носителями. Устоявшиеся культурные нормы образуют вектор развития социальной группы, при котором носители девиаций и их поведенческих производных (преступники, психически больные), выходящих за рамки этого вектора, лишаются коммуникативных связей путём изоляции от общества вплоть до пожизненной.

В 2009 году Г. Галанес и У. Лидс-Хурвиц сформулировали 7 принципов коммуникативного построения социальной реальности: 1) коммуникация – это процесс, посредством которого мы конструируем и реконструируем социальные миры; 2) коммуникация конститутивна: общение создает реальность; 3) каждое коммуникативное действие имеет последствия; 4) человек строит социальный мир сам и разделяет его с другими как взаимосвязанными существами; 5) человек воспринимает множество социальных миров, существующих одновременно, и продолжает их формировать, при этом социальные миры других людей могут отличаться от его собственного; 6) никакое действие не имеет смысла само по себе, его смысл определяется контекстом и ограничениями конкретного коммуникативного акта; 7) этические аспекты и оценочные отношения вытекают из принципов 1-6 [Galanes, Leeds-Hurwitz, 2009]. Результаты построения социальной реальности могут приобретать признаки объективности, особенно для тех участников коммуникации, которые не были непосредственно вовлечены в это построение. Западная философия XXI века сделала акцент на коммуникативных принципах построения даже таких традиционно претендующих на объективность наук, как физика и математика (Рубен Херш, Филип Дж. Дэвис, Пола Эрнест), а Эндрю Пикеринг создал социологическую теорию физики элементарных частиц [Pickering, 1999].

Сформированные таким образом реальности постепенно трансформируются в общественные институты, поддерживаемые и легитимизируемые языковыми условностями и социализацией. Усиливаясь воспитанием и образованием, они становятся частью социальной идентичности, объединяющей культурную группу на основе общих коммуникативных структур. Кроме того, принятие за основу тезиса о коммуникативной сконструированности реальности означает потенциально неограниченную возможность эту реальность улучшить. В качестве недостатка такого подхода следует упомянуть игнорирование личного и долингвистического опыта, который рассматривается исключительно как обусловленный и сконструированный социокультурной надстройкой.

Говоря о коммуникативной природе реальности, необходимо отдельно подчеркнуть односторонность этики, основанной на технико-инструментальной рациональности и показателях эффективности. В качестве альтернативы предлагается диалогическая этическая позиция, основанная на доброй воле и готовности отказаться от своих предубеждений ради встраивания в коммуникативный дискурс и «командную игру» [Ретюньских, 2002]. Командная игра невозможна при заикленности только на себе, участники коммуникативного акта должны понимать, что даже оппонент является партнёром по конструированию реальности, причём часто более полезным, чем однозначный сторонник, поскольку критика извне приводит к развитию идеи, а поддержка – лишь к закреплению.

Следствием ставки на эффективность трансляции как основного критерия развития коммуникации стала, по выражению Поля Рикёра, «герменевтика подозрения» [Визуальная антропология, 2009]. Герменевтика подозрения – это стиль коммуникативной интерпретации, при котором входящая информация воспринимается со скептицизмом с целью выявления предполагаемых скрытых или замаскированных смыслов. Рикёр очертил целую философскую школу подозрения, куда включил Карла Маркса, Фридриха Ницше и Зигмунда Фрейда, несмотря на то, что ни один из них не использовал этот термин. Основной тезис этой школы заключается в том, что внешний вид текста обманчив, а открытое содержание скрывает более глубокие смыслы и последствия их восприятия. В конечном итоге реципиенту приходится делать выбор между герменевтикой веры и

герменевтикой подозрения. Первая подразумевает при интериоризации приоритет входящей информации, в то время как вторая отталкивается от уже сформированной мировоззренческой системы её получателя, выявляя её упущения и противоречия.

Различия между способами интерпретации обуславливают процессы, посредством которых одни реальности получают преимущество перед другими. Дискурсы подозрения исходят из предположения, что смыслы и формы поверхностного уровня маскируют глубинные структурные конфликты и противоречия, усиливая ощущения неуверенности и страха перед коммуникативными процессами. Напротив, дискурсы веры придают коммуникативным практикам уверенность в единой основе знания, характерную для философии Просвещения, в то же время ограничивая социальную свободу индивида, к которой эта философия стремилась. Суверенный субъект заменяет интересубъектной моделью рациональности, ориентированной на коллективные формы деятельности. Антропоцентризм эпохи Нового времени в постмодернизме сменяется интерантропоцентризмом, акцентом на межличностные взаимоотношения вместо отдельно взятого индивида.

Интерантропоцентризм эпохи постмодерна привёл к снижению значимости междисциплинарной коммуникации в пользу массовой, при которой транслируемые смыслы ориентируются на широкие группы реципиентов. В постмодерне XX века массовая коммуникация предполагала вовлечение средств массовой информации, таких как периодическая печать, радио и телевидение. Главной проблемой таких средств является односторонняя направленность их трансляции с минимальной либо вообще отсутствующей обратной связью. В XXI веке традиционные СМИ уступили место СМК – средствам массовой коммуникации [Киселёв, 2017], подразумевающим гораздо более высокий уровень интерактивности и вовлечённости в информационный взаимообмен обеих сторон. Такая двусторонняя вовлечённость обеспечила коммодификацию информации – возможность её превращения в товар с последующей монетизацией. В условиях капитализма как экономической системы, доминирующей в XXI веке, возможность заработка на производстве информации резко повысила объёмы трансляционных потоков, при этом вопрос повышения качества этого контента до сих пор остаётся дискуссионным.

Экономический подход к оценке информации в эпоху постмодерна сместил акцент с производителя смыслов к их потребителю. Если в более ранние периоды произведенный информационный продукт имел ценность, в первую очередь, для самого производителя (например, изобретение конвейерного производства Генри Фордом было нацелено на получение прибыли его компанией), то технологии массовой коммуникации поставили информационные продукты в зависимость от их ценности в глазах потребителя. Зачастую это приводит к примитивизации коммуникативных дискурсов: наиболее популярные, а следовательно и наиболее прибыльные информационные формы – самые простые и воздействующие на самые примитивные уровни человеческого сознания и подсознания. В то же время с распространением массовых коммуникаций активизировались и процессы распространения высокоуровневого знания, свидетельством чему является, например, вручение Нобелевских премий нескольким лауреатам, одновременно пришедшим к одним и тем же открытиям вследствие активной циркуляции в научных кругах общих исходных данных и тенденций.

Ключевым вопросом массовой коммуникации является подбор транслируемой информации, определяющий «повестку дня». Акцент на привлечении внимания аудитории заставляет поставщиков информации выдвигать на первый план наиболее маргинализированные и впечатляющие, часто в негативном плане, смыслы [Дзялошинский, 2024]. Привлечение внимания аудитории к проблеме приводит к тому, что она начинает активнее интересоваться этой проблемой в дальнейшем. Таким образом, наравне с тем, что именно думать по конкретному вопросу, система массовой

коммуникации определяет и сами вопросы, нуждающиеся в осмыслении, а задействуемые средства не отражают реальность, а фильтруют и формируют её. Соответственно, культурные, экономические и социальные группы, обладающие большим медиаресурсом, получают больше возможностей формировать коммуникативную повестку, повышая репрезентативность транслируемых смыслов. Под репрезентативностью здесь нужно понимать ранжирование требующих внимания и решения проблем в сознании индивида, находящегося в прямой зависимости от количества трансляционных актов, описывающих ситуацию как проблематичную.

Коммуникативная повестка является результатом совокупного воздействия большого количества трансляционных актов, имеющих разное содержание, но относящихся к одной и той же нерешенной проблеме. Зачастую это количество нарастает лавинообразно: высокорепрезентативные смыслы порождают ощущение их значимости и, следовательно, поиск дополнительной информации, относящейся к ним. Построение информационной повестки можно отнести к тонким формам социального контроля, характерным для эпохи постмодерна, в противовес грубым формам, таким как принуждение, доминировавшим в более ранние периоды развития человечества. Коммуникативная повестка во многом представляет собой попытку предугадать интерес аудитории к предлагаемым смыслам и её потребность в решении наиболее значимых или кажущихся значимыми проблем.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы: 1) в эпоху постмодерна классическая субъект-объектная модель конструирования реальности уступила место распределённой модели, предполагающей, что истина заключается не в репрезентативном отражении существующего мира, а в её диалогическом построении коммуникативным путём; 2) вырабатываемые людьми ментальные представления становятся их общей социальной реальностью, где сосредоточение смысла обуславливается внутренними языковыми ссылками на другие языковые единицы и определения, а не внешним миром; 3) антропоцентризм в постмодернизме сменяется интерантропоцентризмом, где суверенный субъект рациональности заменяется интересубъектной моделью, ориентированной на коллективные формы деятельности с акцентом на межличностные взаимоотношения вместо отдельно взятого индивида; 4) в культурном пространстве может существовать множество реальностей, конкурирующих за легитимность, при этом наиболее успешно прошедшие социокультурную фильтрацию элементы закрепляются в качестве общественных ценностей и норм; 5) на основе сформированных таким образом реальностей создаются общественные институты, поддерживаемые языковыми условностями и социализацией, а в дальнейшем становящиеся частью культурной идентичности; 6) нормативное закрепление социальной реальности определяется информационной повесткой, приводящей к тому, что коммуникативные механизмы в дополнение к функции передачи культурных смыслов приобрели способность к их формированию.

Список литературы

- Баталов Э.Я. 2010. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М., Прогресс-Традиция, 375 с.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. 2009. М., ООО «Вариант», 448 с.
- Габитова Р.М. 1989. Философия немецкого романтизма. М., Книга по требованию, 160 с.
- Дзялошинский И.М. 2024. Профессиональная этика журналиста. М., Юрайт, 445 с.
- Жоль К.К. 2017. Логика. М., ЮНИТИ-ДАНА, 399 с.
- Киселёв А.Г. 2017. Теория и практика массовой информации: общество-СМИ-власть. М., ЮНИТИ-ДАНА, 431 с.
- Конструктивизм в теории познания / отв. ред. В. А. Лекторский. 2008. М., ИФРАН, 171 с.

- Коротких В.И. 2015. Очерк исследования структуры системы философии Гегеля: монография. М. – Берлин, Директ-Медиа, 371 с.
- Мандель Б. Р. 2019. Современная речевая коммуникация: исторические связи, теория, практика. – М.-Берлин, Директ-Медиа, 332 с.
- Махлин В.Л. 2009. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М., Знак, 632 с.
- Мнацаканян М.О. 2017. Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии: монография. М., ЮНИТИ-ДАНА, 335 с.
- Мнацаканян М.О. 2019. Социология и жизнь. Новые тенденции и сложные пути развития теоретической социологии: монография. М., ЮНИТИ-ДАНА, 271 с.
- Ретюнских Л.Т. 2002. Философия игры. М., Вузовская книга, 254 с.
- Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. 2022. М., Наука, 399 с.
- Суй Янь. 2022. Китай в знаках. Часть 2 / Пер. с кит. Ивлева Л. А.; науч. ред. А.Ю. Шелковников. М., ООО Международная издательская компания «Шанс», 162 с.
- Фуко М. 2020. Речь и истина. Лекции о парресии. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 384 с.
- Хьюбнер Б. 2011. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием. СПб., Академия исследования культуры, 172 с.
- Galanes G. J., Leeds-Hurwitz W. 2009. Socially Constructing Communication. Cresskill, Hampton Press, 335 p.
- Mumby D.K. 1997. Modernism, Postmodernism, and Communication Studies: A Rereading of an Ongoing Debate. *Communication Theory*, 7: 1-28.
- Pickering A. 1999. Constructing Quarks. A Sociological History of Particle Physics. Chicago, The University of Chicago Press, 415 p.

References

- Batalov E.Ya. 2010. Problema demokratii v amerikanskoj politicheskoj mysli XX veka [The Problem of Democracy in Twentieth-century American Political Thought]. Moscow, Progress-Tradiciya, 375 p. (in Russian).
- Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri socializme [Visual Anthropology: Modes of Visibility under Socialism]. 2009. E. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov, eds. Moscow, Variant, 448 p. (in Russian).
- Gabitova R.M. 1989. Filosofiya nemeckogo romantizma [The Philosophy of German Romanticism]. Moscow, Kniga po trebovaniyu, 160 p. (in Russian).
- Dzyaloshinskij I.M. 2024. Professional'naya etika zhurnalista [Professional Ethics of a Journalist]. Moscow, Yurajt, 445 p. (in Russian).
- Zhol' K.K. 2017. Logika [Logic]. Moscow, YuNITI-DANA, 399 p. (in Russian).
- Kiselyov A. G. 2017. Teoriya i praktika massovoj informacii: obshchestvo-SMI-vlast' [Theory and Practice of Mass Media: Society-Media-Government]. Moscow, YuNITI-DANA, 431 p. (in Russian).
- Konstruktivizm v teorii poznaniya [Constructivism in the Theory of Knowledge]. 2008. Ed. by V.A. Lektorskij. Moscow, IFRAN, 171 p. (in Russian).
- Korotkih V.I. 2015. Ocherk issledovaniya struktury sistemy filosofii Gegelya: monografiya [An essay on the Structure of the System of Hegel's Philosophy: monograph]. Moscow-Berlin, Direkt-Media, 371 p. (in Russian).
- Mandel' B. R. 2019. Sovremennaya rechevaya kommunikaciya: istoricheskie svyazi, teoriya, praktika [Modern Speech Communication: Historical Connections, Theory, Practice]. Moscow-Berlin, Direkt-Media, 332 p. (in Russian).
- Mahlin V.L. 2009. Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoj epistemologii [The Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, Znak, 632 p. (in Russian).
- Mnacakanyan M.O. 2017. Postmodernizm. Proiskhozhdenie, priroda i mesto v sovremennoj sociologii: monografiya [Postmodernism. Origin, Nature and Place in Modern Sociology: Monograph]. Moscow, YuNITI-DANA, 335 p. (in Russian).
- Mnacakanyan M. O. 2019. Sociologiya i zhizn'. Novye tendencii i slozhnye puti razvitiya teoreticheskoy sociologii: monografiya [Sociology and Life. New Trends and Complex Ways of Development of Theoretical Sociology: Monograph]. Moscow, YuNITI-DANA, 271 p. (in Russian).

- Retyunskih L.T. 2002. *Filosofiya igry* [The Philosophy of Game]. Moscow, Vuzovskaya kniga, 254 p. (in Russian).
- Sravnitel'naya filosofiya: ot sravnitel'noj k mezhekul'turnoj filosofii [Comparative Philosophy: from Comparative to Intercultural Philosophy]. 2022. Ed. by M. T. Stepanyanc. Moscow, Nauka, 399 p. (in Russian).
- Suj Yan'. 2022. *Kitaj v znakah. Chast' 2* [China in Signs. Part 2]. Ed. by A. Yu. Shelkovnikov. Moscow, Shans, 162 p. (in Russian).
- Fuko M. 2020. *Rech' i istina. Lekcii o parresii* [Speech and Truth. Lectures on Parrhesia]. Moscow, Delo, 384 p. (in Russian).
- Hyubner B. 2011. *Martin Hajdegger – oderzhimyj bytiem* [Martin Heidegger – Obsessed with Being]. Saint-Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 172 p. (in Russian).
- Galanes G. J., Leeds-Hurwitz W. 2009. *Socially Constructing Communication*. Cresskill, Hampton Press, 335 p.
- Mumby D.K. 1997. Modernism, Postmodernism, and Communication Studies: A Rereading of an Ongoing Debate. *Communication Theory*, 7: 1-28.
- Pickering A. 1999. *Constructing Quarks. A Sociological History of Particle Physics*. Chicago, The University of Chicago Press, 415 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.12.2024

Поступила после рецензирования 13.03.2024

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 13, 2024

Revised March 13, 2024

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидоренко Владимир Александрович, доктор философских наук, доцент кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, г. Луганск, ЛНР, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sidorenko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Law, Social Sciences and Humanities, St. Luke Lugansk State Medical University, Lugansk, LPR, Russia.